

**А**

лексу десять лет, и он должен заниматься, но учеба никак не шла: ему хотелось путешествовать, либо, по крайней мере, играть на улице, или на лугу, или же со своим щенком по имени Гав, который всюду скакал за ним, точно на тонкой металлической пружинке. Когда же действительно нужно было заниматься, Алекс вызывал у себя головную боль и молил небеса, чтобы чудесным образом исчезли в мире все школы и книги.

И вот однажды ночью, при сильном ветре и раскатах грома, он услышал, как Гав воеет и лает во дворе. Воры? Алекс не боялся воров, более того, ему даже было интересно посмотреть на них. Поэтому он оделся и спустился в сад. И вдруг в свете молний к грохоту грома добавился какой-то непонятный гул, и мальчик увидел, что его дом сначала затрясся туда-сюда, как голова, которая кивает «да» — «нет», а потом раскололся и обрушился. Рухнули и другие дома, даже церковь и школа, и среди обломков виднелись падающие книги и летающие, словно мрачные бабочки, тетради.

Это было землетрясение. Охваченный безумным ужасом, Алекс побежал, Гав — за ним. Они бежали так, словно землетрясение их преследовало; со всех сторон хлестал дождь, ветер, град. Алекс бежал, бежал и наконец увидел на холме освещенную хижину. Добравшись до нее, он толкнул дверь и оказался в маленькой комнате, где у огня спала старушка с седыми волосами. Единственное, что еще было там — корзина, накрытая тряпкой.

Чтобы не разбудить старушку, Алекс тихо сел на пол в углу комнаты вместе с прижавшимся к нему дрожащим щенком и поблагодарил Бога за то, что тот помог им найти убежище.

Ночь прошла, буря стихла. Алекс не спал, думая о своем рухнувшем доме, ставшем могилой для его семьи: эта боль была настолько велика, что мальчик даже не мог плакать.

И вот на восходе солнца на пороге хижины появилась босая женщина, одетая во все зеленое и с прутиком в руке.

— Дитя, — сказала она, — я знаю о твоём несчастье и пришла забрать тебя, если захочешь пойти со мной. Я фея Вердина: мой дом здесь, под землей, и у меня ты не будешь ни в чем нуждаться: станешь жить как

принц, и я выдана за тебя мою дочь. Но ты никогда не сможешь покинуть мое королевство.

— А как же собака? — спросил Алекс.

— Собаку я не возьму, феи боятся собак и петухов. Но она может остаться здесь, с этой старушкой — Матерью Ветров, которая сейчас проснетя, чтобы накормить вернувшихся домой сыновей. Ну что, хочешь пойти со мной?

Щенок робко тянул Алекса за край одежды, словно советуя бежать, а тот думал. Думал, что жить под землей, даже в королевстве фей, не очень радостно, но с другой стороны — куда идти? У него не осталось больше ни дома, ни деревни, ни родителей, ни друзей.

— А учиться надо будет? — спросил он.

— Какое учиться?! Только развлекаться!

И мальчик пошел с феей.

Вердина довела его до подножья холма, дотронулась прутиком до камня, и они сразу же оказались в большом светлом саду, перед мраморным замком.

«Откуда берется свет, если мы под землей?» — подумал Алекс.

А фея сказала, что это все светящийся прутик. Им же она открыла ворота во дворец и позвала других фей.

Эти феи, и большие, и маленькие, тоже все были красивые, но Алекс заметил, что, как и птицы, кошки, другие прекрасные животные, они никогда не улыбаются и не трудились. Но, впрочем, зачем им трудиться? Ведь все можно сделать одним прикосновением прутика. А что понравилось Алексу больше всего — так это абсолютное отсутствие во дворце всегда раздражавших его вещей: телефона, электричества, печей, звонков, фортепьяно, школьных предметов, и еще — слуг.

Показав мальчику дворец, фея проводила его в обеденный зал, где чудесным образом накрытый стол был заставлен его самыми любимыми блюдами. Здесь же Вердина представила Алексу молоденькую белокурую фею, которая однажды должна стать его женой. Эта девочка, уже высокая, с голубыми глазами и в одежде небесного цвета, понравилась Алексу как солнце, луна и другие прекрасные вещи на земле, однако и она никогда не улыбалась. Мальчик позвал ее поиграть в саду, а она очень удивилась, потому что не знала, что это такое — играть.

— Я научу тебя, — шепнул ей Алекс.

Они пошли в сад, где он рассказал ей про все игры, которые знал. Девочка слушала с интересом, но играть и танцевать или хотя бы бегать у нее не получалось. Тогда Алекс заскучал: эх, почитать бы хоть одну книжку про приключения!

А с наступлением вечера его скука превратилась в печаль. Алекс вспомнил о своем разрушенном доме, о погибших родственниках: а действительно ли все они умерли? И почему он так трусливо сбежал? А вдруг в развалинах можно было кого-то спасти? И еще — угрызения совести о брошенном щенке по имени Гав, который ведь своим лаем спас его самого, сжимали сердце мальчика. И не лучше было бы остаться в хижине Матери Ветров, дожидаться их возвращения и попросить отнести его обратно к дому?

Может, и лучше... Да, все было бы лучше кроме того, чтобы ничего не делать и получать с легкостью все то, что пожелаешь. Теперь-то Алекс начал понимать, почему феи, даже дети, не умеют улыбаться...

Старшая фея Вердина сразу же угадала его мрачные мысли.

— Послушай, — сказала она. — Я дам тебе обручальное кольцо моей дочери. Вообще-то я хотела сделать это позже, через несколько лет, но, наверное, лучше прямо сейчас.

— Да... наверное... лучше... — кивнул Алекс как в полудреме.

И тогда девочка надела ему на палец маленькое серебряное колечко. И неожиданно он ощутил себя совсем другим. Забыл все черные мысли, почувствовал себя легким, беззаботным, счастливым, каким бывают только во сне.

И — никаких вопросов и интересов...

Алекс спустился с девочкой в сад, прошелся с ней вдоль освещенных луной аллей и остановился посмотреть на отражение в озере, игру теней и странного цвета розы.

Вернувшись в свою прекрасную комнату, мальчик увидел собственное отражение в зеркалах так же ясно, как отражалась в озере луна: глаза его были нежные и красивые, но они были как у лебедя, кошки или горлицы.

Они больше не улыбались.

## НАЧИНАЕТСЯ СНЕГ

— Все дома? — спросил отец, вернувшись однажды поздно вечером, как обычно закутанный в свой теплый плащ и с черным шелковым шарфом на шее. Он тревожно осмотрелся и принялся запира́ть дверь на щеколду и засов, так, будто следом гналась толпа воров или целая стая волков. Мы, девочки, выскочили и окружили его, заинтригованные и даже напуганные.

— Что такое? Что случилось?

— Случилось то, что повалил снег, который будет идти всю ночь и еще несколько дней: небо стало похоже на грудь голубя.

— Это хорошо! — обрадовалась Маленькая Бабушка. — Теперь-то вы поверите в то, о чем я говорила недавно.

А недавно Маленькая Бабушка, которая своим ростом и розовым цветом лица походила на ребенка и была куда невиннее и гораздо лучше нас, уже в тысячный раз рассказала, что однажды, когда она по-настоящему была девочкой (в тысячном году, как выражался братец-студент, уже насквозь пропитанный скептицизмом и мало уважавший старость), ужасный снегопад засыпал и почти разрушил деревню.

Снег шел четырнадцать дней и ночей, не прерываясь ни на мгновение. В первые дни молодежь и некоторые женщины посмелее выезжали из дома на лошадях и утаптывали снег на дорогах, а слуги пробивали узкие тропинки среди белых гор. Но в конце концов все закрылись в домах, и даже не так из-за снега, а от ощущения, что происходит нечто мистическое, как Божья кара... Казалось, снег будет идти вечно и погребет нас в домах, готовых с минуты на минуту обрушиться. И все это из-за неискупленных грехов — они ведь есть у каждого, даже у детей, например, не уважающих стариков (это специально для тебя говорю, синьор студент). И, конечно, все боялись умереть от голода.

— Так взрослые могли бы съесть детей, как это уже было в тысячном году! — не унимался нахальный студент.

— Замолчи! Я снисходителен к твоему переходному возрасту, — сердито сказал отец, который, впрочем, всегда находил оправдание для прощения, — но такими вещами не шутят. К тому же...

Внезапно из долины донеслось завывание ветра, словно наполнившее воздух страхом, и мы, девочки, облепили отца, стараясь спрятаться под полами его плаща. А он...

— Я забыл одну вещь. Кто-то ненадолго должен выйти на улицу, — вдруг заявил он, роясь в карманах.

— Я пойду! — вскочил наш брат, но побледневшая мать остановила его:

— Нет-нет, ради Бога!

— Но это необходимо, — настаивал взволнованный отец. — Я забыл купить табак!

Мама посветлела лицом и открыла дверцу шкафа.

— Завтра праздник Святого Антония, твой праздник, и я решила подарить тебе...

Она показала сумку, полную табака, и отец, с поклоном благодаря ее, воскликнул, что эта сумка ценна для него, как если бы она была полна золота. Теперь, успокоившись, он позволил снять с себя плащ и сел за стол ужинать.

Ужин проходил не как обычно оживленно и с разными маленькими забавными происшествиями, вызываемыми непоседливостью самых маленьких едоков; нет, все были скованны, молчаливы и сосредоточены на звуках снаружи.

— А ведь когда дует такой шквальный ветер, — сказала бабушка, — снегопад не бывает долгим. Вот в тот раз...

И она начинает заново рассказывать ужасные подробности *того раза*, еще более усиливая наше беспокойство, в глубине своей имеющее, однако, и что-то жутковато-приятное. Кажется, будто слушаешь сказку, которая с минуты на минуту обернется реальностью. Главное, что волнует, — есть ли в доме все необходимое, чтобы прожить дни заточения, которые на нас надвигаются.

Хуже всего с молоком: в такую погоду достать его нелегко.

Но мама говорит, что у нее есть большая коробка какао, и эта новость заставляет радостно смеяться брата, ненавидящего молоко. Мы не смеем вторить ему, однако не скажу, что эта новость неприятная. Еще и потому, что кроме какао, оказывается, существует тайный запас шоколада и, уж совсем на крайний случай, есть еще бочонок меда.

Об оливковом же масле, сыре, муке, соленьях, картофеле и других продуктах можно не волноваться: погреб и кладовка ими переполнены. Нет недостатка в угле и дровах. Оказывается, мы были богаты и не осознавали этого.

— А теперь, — сказал отец, поднимаясь из-за стола, чтобы занять свое место у огня, — я хочу рассказать вам историю Джаффы<sup>1</sup>...

И — началась настоящая битва по захвату местечка поближе к нему. И даже вой ветра вдруг стих, словно для того, чтобы нам было лучше слышно. Однако бабушка, обеспокоенная этой внезапной тишиной снаружи, выглянула из окна на кухне и произнесла одновременно с удовлетворением и тревогой:

— Я думаю, сегодня будет именно так, как в тот раз...

---

<sup>1</sup> Джаффа (или Джуфа) — герой итальянских сказок: иногда глупец, иногда простодушный, порой хитрый или мудрый. Есть несколько историй, в которых он называется другом и даже братом царя Соломона и дает ему мудрые советы.

...Снег шел всю ночь, и казалось, что мир, как большой корабль, медленно сливает воду, погружаясь в это белое море. А нам виделось, что и мы на этом корабле медленно опускаемся вглубь, в недобрые сны, уже почти погребенные, полные страха, но все еще с надеждой на Бога.

И... И — о чудо! — на следующее утро милосердный Бог заставил сиять дивное зимнее солнце над заснеженной землей, а стволы тополей показали нам действительно мачтами огромного белоснежного корабля.

## ХЛЕБ

Пока я была не замужем, хлеб приходилось печь дома. Этого хотела наша мать, и вовсе не из соображений экономии. Слава Богу, мы были богаты тогда, но такова семейная традиция, а семейные традиции в нашем доме соблюдались неукоснительно.

Все было очень строго: нужно проснуться еще до зари, когда девичий сон крепко держит тебя в своих бархатных объятьях и совсем не желает оставлять. Служанка, тоже пошатываясь от прерванного сна, стучит в дверь: «Ну же, поднимайтесь, пора вставать!» Одна нога высовывается из-под одеяла, но сразу же прячется обратно, словно она коснулась ледяной воды, в то время как другая все еще ступает по теплой дороге снов. Начинает потягиваться плечо, но ладонь его нервно накрывает — ведь другая рука покамест блаженно возлежит на мягкой простыне, словно на солнечном лугу с маргаритками. Служанка стучит снова, потом приоткрывает дверь:

— Ну же! Если вы сейчас не пойдете, хозяйка...

И тогда нога, которая уже проснулась, толкает ту, что еще спит, а проснувшаяся рука начинает искать другую, которая еще видит сны... Обе собираются с духом, и... И вот мы встали. Какой холод! Какая ужасная жизнь! Когда же придет тот день?.. Да-да, я должна признаться, что уже с двенадцати лет хочу выйти замуж. Для того, чтобы больше не печь дома хлеб...

Но уже вскоре дело вступало в свой обычный, почти праздничный, ритм. Замечу, что это было не каждодневным занятием, и даже не еженедельным, так как сухой хлеб, который назывался соответствующе — «нотная бумага», можно хранить месяцами, тем более зимой. Особенно хорошо зимой было на большой кухне, обогретой включенной печкой и очагом... А на улице шел снег, и куда хуже нас было сейчас бедной женщине, выбравшей себе ремесло пекаря: она-то не поддавалась соблазну поспать, а все дни, и часто даже и ночи, проводила около печи, борясь с широкими круглыми лепешками фокачче, которые могли раздуться, взорваться и сгореть в один миг от обиды на лопатку, которая, переворачивая, похлопывала их сверху, словно материнская рука непослушных детей по пухлой попке.

Эта хрупкая женщина еще должна была, невзирая на холод и снег, добраться до места. А ведь зима. И вот, дойдя, наконец, она становилась самым счастливым человеком на свете. Она сидела перед печью, и с ней следовало обходиться как с королевой, но игрушечной королевой марионеток, настолько она казалась маленькой, сухонькой, черной и обгоревшей от жара деревенских печей. И чудилось, что голос ее прилетал издалека, словно из высокой печной трубы. Она рассказывала очень интересные истории, особенно после чашечки кофе или трех порций макарон и хорошего бокала вина.

Это вино, по правде говоря, я ей давала тайком, потому что тогда женщины не пили вино (только если украдкой). Она отворачивалась к стене, делая вид, что культурно сморкается, а сама, наклонив голову, жадно потягивала из бокала, или же я наливала ей вино в жестяную чашку, как будто то была вода из кувшина. Моя мама не замечала грех пекарши, потому что всегда вполголоса молилась, ведь печь хлеб — это все равно, что находиться в церкви.

После винца пекарша становилась разговорчивой, рассказывала истории всех городских семейств, включая их предков, и моя фантазия купалась в этих рассказах сильнее, чем в приключенческих романах. Закончив месить тесто и раскатывать скалкой лепешки фокачче, с мозолями на блестящих ладонях, я садилась рядом с этой женщиной и слушала.

Чтобы пересказать все те истории, нужно было бы написать десятки книг. Но до сих пор я помню только одну, которая мне кажется правдивой, потому что пекарша повторяла ее часто и без изменений, в отличие от остальных, в которых всегда что-то значительно менялось.

«Итак, — это дословно то, что она сказала, — много лет назад, как только Бог дал мне силы работать и мать обучила ремеслу, я отправилась печь хлеб в дом дамы Барбары. Дама Барбара была очень богата и скупа, говорят даже, что умерла она с зажатыми кулаками, тогда как добрые христиане открывают ладони Богу, чтобы вверить ему свою душу. Дама Барбара давала мне утром лишь горстку сухого инжира, а свежего хлеба, который в день, когда пекут, бросают даже собакам, — не давала ни крошки. Зато черствого хлеба и воды было сколько пожелаю, она нарочно подбадривала меня пить побольше, чтобы не хотелось есть. Но сейчас я расскажу, как однажды Бог послал мне облегчение. Итак, в одно утро на рассвете, когда пели петухи и мы ждали, что вот-вот поднимется тесто, в дверях появился хорошенький белокурый мальчик с кудрявыми волосами и глазами цвета неба. Красная одежда его была выцветшей и оборванной, но все равно казалась сияющей, словно новая.

— Дайте мне лепешечку, — сказал мальчик, — пусть даже самую маленькую, как освященная облатка. Я так давно не ел свежего хлеба.

— Сейчас, мой малыш, — кивнула дама Барбара, которая, как настоящая аристократка, не скупилась на добрые слова. — А ты кто? Почему так рано в пути и один?

Ребенок не ответил, а дама соскоблила со стола остатки теста, сделала из них лепешечку и отдала ее мне, чтобы испечь.

Я кладу лепешечку в печку и вижу чудо. Лепешечка растет, растет — и становится размером с печку, так что мне пришлось свернуть ее вчетверо, чтобы достать. И вы думаете, дама Барбара дала ее ребенку? Ни кусочка! Она собрала то, что осталось от теста, и сделала лепешечку еще меньше — размером с один сольдо. И эта лепешечка тоже растет и растет.

Дама Барбара словно обезумела от радости: попросила ребенка подождать и все продолжала делать лепешечки и совать их мне, а я, обливаясь потом, еле доставала их, потому что они огромные. И продолжалось это до тех пор, пока Бог не осветил мой разум, и я, упав на колени, прошептала: «Дама Барбара, это же Иисус в образе мальчика, который пришел испытать наше доброе сердце».

Дама Барбара обернулась, а мальчик уже исчез. И когда она попробовала один из тех больших хлебов, тот был таким кислым, что она его сразу же выплюнула. И весь остальной хлеб, который поднимался в корзинах, оказался испорчен. Так дама Барбара была наказана за свое скверное сердце».

*Перевод с итальянского  
Екатерины БАЕВОЙ*

---

Об авторе:



*Грация Деледда (1871–1936) — итальянская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Ее направление относится к школе веризма. Большое влияние на нее оказало знакомство с русской литературой, такими писателями, как Толстой, Чехов и Горький. Большинство ее произведений связано с местом, где она родилась, — островом Сардиния. Нобелевскую премию получила «за поэтические сочинения, в которых с пластической ясностью описывается жизнь ее родного острова, а также за глубину подхода к человеческим проблемам в целом».*

О переводчице:

*Екатерина Игоревна Баева родилась в Воронеже. Окончила факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Кандидат филологических наук. Преподаватель кафедры романской филологии ВГУ. Член Союза переводчиков России. Публиковалась в журнале «Подъём». Рассказы Г. Деледды «Может, было бы лучше...», «Начинается снег» и «Хлеб» взяты из сборника «Подарок на Рождество» (Il Dono di Natale, 1930).*

